

И. Крупеникова

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Вспышка.

Горячий белый свет ринулся в глаза, и вслед за ним в распахнутое сознание ворвалась боль. Я едва не вскрикнул и зажмурился. Под веками расплылись красные круги. Тупая пика, вонзившаяся в затылок, заставила меня поднять голову... Ничего не получилось. Чтобы что-то поднять, тем более часть своего тела, надо по крайней мере чувствовать это тело, а я с ужасом понял, что не чувствую ровным счетом ничего. Только тупая пика в затылке. Из глубин пустого колодца выкарабкалась первая внятная мысль: *где я?*

Я медленно приоткрыл глаза. Свет. Уже не столь горячий, как в момент пробуждения. Прямо надо мной раскинулось яркое лазурное небо, где в гордом одиночестве воцарился раскаленный добела шар. Солнце. Светило мерно покачивалось в необъятном небесном океане, из чего я заключил, что каким-то образом передвигаюсь. Скорее всего меня несут. Черт возьми, тогда почему я не ощущаю никакой опоры за спиной. И руки? Где мои руки?

Я попробовал пошевелить пальцами. Вроде бы руки целы. Повел плечом. Ничего. Странно, может быть мне не хватает сил? Пика в затылке превратилась в тупую круглую палку, и эта палка не слишком приветливо ласкала меня в такт шагу.

Так. Значит все-таки несут.

В поле зрения мелькнул балкон и конек крыши. Тот или те, кто меня транспортировали, остановились. Что-то лягнуло о камень. Похоже, трость. Я порадовался про себя — слышу. Силы как будто бы понемногу возвращались ко мне. Однако, пока я не выяснил, что со мной произошло, я не рискну предпринимать каких-либо действий. Возможно, я ранен. Возможно, в плену или, напротив, меня спасают друзья. Я должен выяснить и... Тут я сделал еще одно неприятное открытие. Вспомнить? Это что же получается: я не помню?!

Следующая членораздельная мысль выползла из колодца моего сознания: *кто я?*

Тут я не выдержал и издал какой-то звук. Точнее, я хотел обратиться к моему или моим “носильщикам” с вопросом, но слов не произвел — один лишь жалкий вздох.

— Ну-ну, малыш. Скоро будем на месте, — услышал я равнодушный ответ; говоривший на меня не посмотрел. — Джузеппе! — это он явно не ко мне. — Джузеппе!

— Простите, синьор.

Джузеппе нагнулся надо мной и безо всяких эмоций принялся утирать платком мои губы и подбородок. Я попытался поймать его взгляд. Однако слуга управился с моим лицом так, как управился бы с запыхавшимся манекеном.

Движение возобновилось. Мерный ровный шаг. Мерное постукивание трости по мостовой. Крыши домов заслонили половину голубого простора надо мной, и ехидное солнце соскользнуло с черепицы на другую сторону улицы. Тень. Я вздохнул облегченно.

Мой провожатый опять остановился. На этот раз Джузеппе подскочил ко мне без особых указаний, вновь старательно протер мне лицо и встал рядом с хозяином. Возле моего левого уха мелькнула трость, и человек, который нес меня, уверенно постучал ею в дверь. Я, кажется, одеревенел от изумления. Если его руки свободны — а они были свободны — то каким образом я держусь над землей? Не могу же я плыть в воздухе! Следующая мысль оказалась пострашнее: а где в таком случае мои ноги?

Найти ответ я не успел. Дверь открылась и хриплый мужской голос произнес:

— Мы заждались вас, синьор Лоренцо. Проходите. Один, — послышался сдавленный, плохо скрываемый смешок.

Синьор Лоренцо казался невозмутим.

— Джузеппе, жди меня здесь.

Я заметил растерянность и страх, мелькнувший в глазах слуги. Да и у самого у меня почему-то засвербило в груди. Я ожидал, что меня опустят на землю и уж тогда-то я разберусь, где мои руки и ноги, и какой дьявол устроил этот кавардак. Но нет. Я медленно “въехал” в полутемный коридор. Однако же синьора просили пройти *одного?* Или подразумевалось одного со мной? Конечно, как иначе... Тут я больно стукнулся головой о дверной косяк.

— Тихо, малыш, — почти беззвучно предупредил синьор Лоренцо и придержал мой затылок.

Я, собственно, пока не собирался возмущаться.

Мы вошли в душную комнату. До того душную, что я невольно шумно вздохнул и слегка подался вперед. Вот теперь мне это удалось или почти удалось. Как бы то ни было, я увидел то, что творится у синьора Лоренцо за спиной. А творилось там нечто неладное: два молодца весьма подозрительного молчаливого вида встали на шаг от синьора, загородив своими тушами дверь. Плохо дело. Синьор Лоренцо, без сомнения, явился отнюдь не на дружескую вечеринку.

— Вот бумаги, о которых шла речь, — без предисловий заявил мой странный проводник и быстрым движением вытащил из-за пазухи пакет.

Два верзилы у двери насторожились, когда он подносил руку к груди. Один даже потянулся к шпаге. О, кажется, намечается заварушка. Некстати, некстати. Комната слишком мала, вооруженных людей я насчитал по меньшей мере пять, а в моем нынешнем странном состоянии я вряд ли успею помочь синьору Лоренцо.

Следующая “странность” произвела на меня бóльшее впечатление. Я невзначай перевел взгляд на свой камзол и обнаружил, что две пуговицы расстегнуты. То есть, синьор Лоренцо вынул бумаги у меня? Нет, это пуговицы *его* камзола... что за черт? Дорожка из посеребренных застежек начиналась у его воротничка и плавно перетекала... Я скосил глаза как мог ниже... О, ужас! Плавно перетекала на мою грудь!

Я чуть было не закричал. Он почувствовал мой порыв и напрягся. Что-то внутри заставило меня молчать.

Пока я был занят моим ужасным открытием и тщетными попытками доведения его до осознания, разговор в комнате продолжался своим чередом. Очнулся я, когда вокруг загоготали. Видимо, кто-то удачно сострил. Синьор Лоренцо остался спокоен, только брови его сошлись у переносицы. А я понял, что объектом насмешки был именно он... Или *мы*?

— Я с удовольствием встретил бы вас завтра утром возле Восточных Ворот, — произнес синьор Лоренцо так, будто говорил о хорошей погоде. — Однако к великому моему сожалению в силу упомянутых вами обстоятельств, не могу сделать это один, как того требуют законы чести.

Прокатилась новая волна хохота. Искатель ссоры поперхнулся от досады — жаль, я не видел его физиономию — а синьор Лоренцо неожиданно закончил разговор:

— До скорой встречи, господа.

Он мягко развернулся на каблуках и неспеша направился к двери. Что-то, уже остановившее меня от воспроизведения каких-либо звуков, опять сжало каждую клеточку моего тела, что означало — я никоим образом не должен шевелиться. Так я “выплыл” в коридор, продефилировал в опасной близости от дверного косяка, затем потрясся слегка, пока мой носитель спускался по крутой лестнице, и наконец, мы вместе оказались на улице.

Как из-под земли возник Джузеппе.

— Идем, — бросил ему синьор Лоренцо и зашагал вперед широким шагом.

Миновав два квартала он ни с того ни с сего остановился и привалился плечом к стене. Своим левым плечом, а заодно и моим правым.

— Я не чаял выйти оттуда живым, Джузеппе, — глухо пробормотал он.

Пожилый слуга растерянно тряс головой.

— Синьор... синьор... Вам нужно было оставить это поручение кому-нибудь другому.

— Женщинам не отказывают, Джузеппе.

— Она политик, синьор.

— Тем более, мой друг. Ставки сделаны. Игра началась.

Я хотел сказать что-нибудь ободряющее, но передумал. Вернее всего у меня опять получится какой-нибудь гнусавый вздох вместо слов. Синьор Лоренцо вдруг посмотрел на меня.

— Хорошо вел себя, меньший брат, — произнес он и улыбнулся; потом добавил, обращаясь к слуге: — Кажется, еще несколько лет, и я научусь управлять этим красавцем. Сегодня мне удалось заставить его не дергать руками.

Ему удалось заставить меня! Как я был оскорблен! От возмущения я забыл, что получается, когда я пытаюсь говорить. Из моего рта вырвался весьма потешный вздох, и на подбородок немедленно потекло что-то вязкое и противно. Джузеппе принялся судорожно искать в кармане платок. К довершению конфуза, я понял как называется масса, которую он старательно стирает с моей бородки. Слюна. Я не мог управлять не то что телом, я не мог справиться даже со своим лицом! Господи, да *что я* в конце концов!

Ответ я тут же получил. Но не от господ бога, а от мальчишек, гурьбой пробежавших мимо *нас*.

— Ай! Смотрите! Смотрите! У одного синьора другой из брюха вылез!

Джузеппе выхватил из-за пояса кнут, но применить не успел: мальчишек сдуло будто ветром. А я с неожиданным для такой ситуации спокойствием подумал, что у оборванцев не больно-то глубоко познания в анатомии. Живот синьора Лоренцо находился ниже моих лопаток, следовательно, я выросал из его груди.

Наверное, всех этих впечатлений было с избытком для моего несчастного мозга. И мозг потребовал покоя...

Жара. И солнце, издевательски размазывающее эту жару по моему лицу. Я сразу же пожалел, что очнулся. Закатив глаза, я заметил пыль, поднятую отъехавшей каретой. Причем карета катилась вверх колесами. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы определить причину этого явления. Собственное тугодумие меня почти рассмешило: как же еще я могу видеть предмет, находящийся *перед* синьором Лоренцо? Разумеется, вверх тормашками! Хорошо еще мы родились “лицом к лицу”. В противном случае, я бы всю жизнь созерцал землю, а он — мой затылок. Я мысленно поставил себя на его место и пришел к выводу, что куда приятнее видеть затылок, нежели свой второй лик, да еще и не слишком вразумительный.

Синьор Лоренцо в раздумье проводил карету взглядом и водрузил на свою голову шляпу. Тень от обширных полей и плюмажа до *меня* не дотянулась. Черт возьми! *Когда ты догадаешься убраться с этой жаровни!* Ни дать, ни взять — время сиесты. И понесло же тебя в такой час на приключения. Решив, что самое время поговорить по душам, я постарался максимально сосредоточиться, и пристально уставился на “большого брата”. *Эй, посмотри на меня. Неужели ты не замечаешь, что я чувствую и слышу? Лоренцо, посмотри на меня!*

Он посмотрел так, как смотрят на ушибленную коленку, и медленно пошел вдоль по набережной. А к моему горлу подкатился горький ком. Чего я, собственно, добиваюсь? Не станет же нормальный человек разговаривать с частью своего тела. А я был как раз частью *его* тела, которая по непонятным причинам вдруг начала размышлять...

— Лоренцо!

Он порывисто обернулся. Из-под его плеча я увидел молодого человека в пыльном дорожном плаще.

— Юлиан? — мой “старший брат” торопливо двинулся навстречу. — Юлиан, какими ветрами!

Они обменялись крепкими рукопожатиями, а синьор Лоренцо вдобавок обнял прибывшего одной рукой. Внушительный торс и дорожный плащ на секунду заслонили меня от солнца, а в нос пахнул ни с чем не сравнимый аромат смеси лошадиного и человеческого пота.

— Воистину сказочная удача! Первый, кого я встретил в столице, это ты, мой дорогой кузен!

Искренний юношеский восторг не мог не вызвать улыбки, и синьор Лоренцо улыбнулся. А он, пожалуй, не дурен собой, решил я. Интересно, как я выгляжу? Рассуждения на тему собственного портрета отвлекли меня от беседы *родственников*. Когда же я попытался ухватить нить их разговора, то обнаружил, что слова буквально пролетают мимо ушей. Как во сне: слышишь и не понимаешь; желаешь ответить, и остаешься нем.

Следующим моим испытанием стала четвертьчасовая поездка верхом. Разумеется, в седле сидел “старший брат”. Я же болтался где-то между лукой и гривой лошади. Мы ехали по широкой улице, мимо сновали простолудины, солдаты, торговцы, однако никто не рискнул задержать на синьоре Лоренцо взгляд.

— Тебя знают здесь? — полувопросительно произнес Юлиан, поглядывавший по сторонам.

— Многие знают мой клинок, — усмехнулся мой носитель. — А челядь не спешит попробовать кнута. Сколько себя помню, Джузеппе надежно охранял меня от всякой горластой шушеры.

— До нас дошли слухи, будто ты убил на дуэли птицу высокого полета.

— Пустое. Не столь высок был его полет. А я не терплю хамов. Его Величество неделю спустя пожурил меня, и только. Про меня болтают разные сказки. Не верь. Девять из десяти — суцная выдумка. Поговаривали даже, будто я дерусь четырьмя шпагами: по одной в *каждой* руке.

Он рассмеялся, отчего я несколько раз приложился затылком к лошадиной гриве. Юлиан вторил ему не совсем уверенно.

— А вот и мой дом, кузен. В любое время ты здесь желанный гость.

Джузеппе перехватил поводья лошадей, и пока Юлиан высвобождал ноги из стремян, мой “сильный брат” ловко соскочил на мостовую.

— Лоренцо, ты волшебник! Уж не продал ли ты душу дьяволу? — кузен театрально разыграл испуг.

— Дьяволу? О, всего лишь его наместнику. Король хорошо платит фаворитам, мой дорогой.

Юноша споткнулся на ступеньке.

— Помилуйте, кузен! Вы угодите в темницу за подобные речи.

— Речи из уст королевского шута немногие воспринимают всерьез, — синьор Лоренцо продолжал улыбаться, а я подумал почему-то, что он и впрямь не прочь подергать смерть за усы.

— Шута, — удрученно повторил Юлиан и опустил взгляд. — Единственный сын благородного графа Колладара — шут у трона чужого короля.

Лоренцо положил руку на плечо кузену.

— Что дозволено шуту, порой не дозволено самому кардиналу, — сказал он, понизив голос почти до шепота. — Рано или поздно у меня будет официальный статус. А пока я пользуюсь природным званием.

И он небрежно кивнул на меня.

— Посмотри, — Юлиан будто бы отшатнулся, — он нахмурился.

— Кто? — кажется, не понял Лоренцо.

— Он. Его лицо. Ты видел, как он смотрит на тебя?

Взгляд ярких карих глаз скользнул в моем направлении. Я действительно был взбешен подобным обращением, однако тот, кому предназначался мой гнев, упорно отказывался меня видеть.

— Юлиан, *это* не смотрит, — назидательно начал Лоренцо. — Оно иногда закрывает и открывает глаза. Иногда поворачивает голову. И часто вздыхает. О, как сие нравится дамам!

Его речь была прервана появлением Джузеппе с подносом, уставленным бутылками. После традиционных тостов и обильной закуски, разговор перекинулся на воспоминания юности, затем вовсе уплыл в неведомые дали. Вернее, в неведомые дали уплыло мое сознание, поскольку по закону сообщающихся сосудов весь алкоголь застревал в *моей* голове, и лишь после изрядного ее наполнения начинал продвижение в голову “большого брата”. Самое обидное, что Лоренцо это прекрасно знал и умел остановиться вовремя. Следовательно, никогда не пьянел, о чем тоже в столице слагались легенды.

Все это я добыл из бог весь каких закровов памяти. Я рад был бы засунуть проблески мыслей подальше в уже знакомый колодец, но тут *родственники* вновь уделили внимание моей персоне.

— Лоренцо, не знаю, право, как сказать тебе, — неуверенно начал Юлиан.

— Как брату, Юлиан. Как родному брату!

— Когда лекарь сообщил моей сестре, что она разрешится двумя детьми сразу...

Я почувствовал, как у Лоренцо холодеет спина.

— ...она была напугана до безумия. Лекарь понятия не имел, почему наша семья боится близнецов...

— Кузина? Она жива? Дети?

— О, да, да! Какой же я болван! Я несся через всю страну и представлял, как первым делом сообщу тебе о нашей радости! И забыл. Вот дьявол! У нее две очаровательные прекрасные девочки. Они увидели свет вместе с первым яблоневым цветами.

— Слава Господу, — Лоренцо откинулся на спинку кресла, и я оказался в почти вертикальном положении.

— Мы рассказали лекарю про тебя, — продолжал Юлиан, заметно убавив пыл. — Он утверждает, что... это легко удалить. Он готов собственноручно провести операцию. По его словам, никакой угрозы твоей жизни нет. Два, максимум три месяца, и ты станешь...

— Я ценю твою заботу, мой милый кузен, — оборвал его Лоренцо, — но случилось так, что я чертовски привязался к младшему братишке. Мне бы не хотелось разлучаться с ним.

— Но ты бы мог...

— Нет, Юлиан. Я не раз говорил это — нет. Богу угодно было сделать меня таким. Вероятно, в прошлой жизни я прогневал Господа. Проклятие наложено не на всю нашу семью. Проклятие лежит на мне. Я плачу за свои грехи.

— А он? Он расплачивается за чьи грехи?

— Он? Юлиан, умеи смотреть на реальность трезво. “Он” — это бессловесный отросток моего тела. “Его” нет. Нет души, нет мыслей, нет ничего. Я изо дня в день смотрю на эту тупую рожу, которая как карикатура повторяет мое лицо.

— Лицом к лицу лица не увидать... — в полголоса продекламировал Юлиан.

— О чем ты?

— Так, пустое...

Возможно, они беседовали еще какое-то время, но я более не слышал. Память прокручивала мне одни и те же реплики: “я чертовки привязался к младшему братишке...”, “он — это бессловесный отросток ...”, “проклятие лежит на мне”... Проклятие... Проклятие...

Два человека. Два меча. Два лица. В лицах слишком много общих черт, чтобы усомниться в родстве. Но два меча! И кровь, проступающая сквозь разорванные кожаные латы.

— Это твой последний день, клянусь!

— Твой последний, братец! Я остаюсь, а ты уйдешь.

Гнев и ярость столкнули врагов в новой схватке. Смертельной схватке. Безучастное солнце, радостное небо, ветви юных лип. А на траву струится кровь. И гнев мечется в обезумевших глазах. Один упал навзничь, отбил занесенный над головой клинок, и тут что-то ударило под сердце.

Я чувствовал, как в мое тело впивается кинжал, слышал надрывный хруст плоти, и понимал — конец. Конец шел медленно, и его сопровождал смеющийся оскал ликующей смерти. Это смотрел на меня брат.

Смейся, тебе не долго осталось смеяться...

— Вот и все. Я победил! Я! Я победил!

Холод расплывается по телу. Я улыбаюсь и слышу свой голос:

— Я победил...

— Ты уже мертв!

— Как и ты... я бью наверняка... я всегда был хитрее. Смирись. Я победил...

Душа медленно отрывается в полет. Медленно течет над землей, а я еще вижу свое мертвое лицо с застывшей усмешкой. И я вижу его лицо, искаженное ужасом. Да, да, братец. Слава и богатство не

достанутся теперь ни одному из нас, ибо мой клинок был нечист. Мой клинок убил тебя раньше, чем ты нанес мне смертельный удар...

— Эй, малыш. Не валяй дурака! А ну открывай глаза!

И мне отвесили звонкую пощечину. Я дернулся.

— Так-то, — синьор Лоренцо, привстав на локте, заглядывал мне в лицо.

— Синьор Лоренцо, вы звали меня? — раздался от порога голос Джузеппе.

— Нет. Но ты вовремя, тем не менее. Проследи, чтобы приготовили ванну. И самый лучший костюм!

— Да, синьор.

— Джузеппе, подойди-ка, — мой “цельный брат” сел на кровати и я опять оказался “на весу”. — Джузеппе, посмотри внимательно на мою вторую голову. Не видишь ли ты каких-либо изменений?

Слуга нерешительно приблизился к постели и вытянул шею, чтобы полюбоваться *моим* внешним видом. Я затаил дыхание. Почему Лоренцо задал такой вопрос? Может быть...

— Нет, синьор, я не вижу изменений, — ответил Джузеппе.

Лоренцо расхохотался.

— Я тоже не вижу изменений! Я шутил. Иди.

Впервые в жизни у меня на глаза чуть не навернулись слезы обиды. Если б я мог, я сейчас же залепил бы ему такую оплеуху, чтобы не “привести в сознание”, а по-настоящему “вывести из себя”. Я даже попытался приподнять руку, хотя понимал — не сумею, эта рука не *моя*. Она *ничья*. Зато мне удалось другое: я сжал кулак. Но Лоренцо этого не заметил.

Представьте, что вы — младенец с сознанием взрослого человека, о чем не подозревают няньки. Вас моют, пеленают, кладут в люльку, и затыкают рот соской. Вот это я испытал на своей шкуре сполна. Полчаса я болтался в ванне, пахучей и тепленькой, потом меня расчесывали и брили, и в довершение ко всему накрыли салфеткой. Пока “старший брат” завтракал, я всячески изощрялся, чтобы сдуть салфетку с лица, но не тут-то было. Предусмотрительный Джузеппе прицепил слюнявчик к моему воротничку.

— Синьор Лоренцо, — приглушенный голос слуги прозвучал где-то близко; видимо старый камердинер наклонился к уху господина. — Я усматриваю нечто новое в вашем *особенном* теле.

— М-м?

— Оно кажется более активным со вчерашнего полудня, синьор.

Лоренцо проглотил то, что жевал, и у *нас* в желудке распространилось приятное тепло.

— Возможно, то, что скрываю я, вылезает наружу у *него*. Кто знает, Джузеппе, что случится сегодня! Вернусь ли я в этот дом...

Я затаил дыхание. Не сколько от того, что “старший брат” впервые на моей памяти разделил “я” и “он”, сколько от чертовски острого чувства тревоги.

— Синьор Лоренцо...

— Видишь ли, мой добрый Джузеппе, мне доверили слишком много. Так доверяют смертникам.

— Синьор, послушайте старика. Уезжайте в свое имение. Подальше, подальше от этого сатанинского логова, — голос слуги дрожал.

— О, нет, мой друг! Сын графа Колладара останется верен клятве. Я служу не своему королю, но я служу королю. Они поставили не на ту лошадь, Джузеппе!

Мне необходимо, мне жизненно необходимо было понять, что он замышляет. Я напрягал память, я вытаскивал из бездонного колодца одну мысль за другой. Вытаскивал, и отбрасывал. Все не то! А ведь Господь позволил мне думать неспроста. Он дал мне шанс искупить мой грех. *Брат, здесь, в этой жизни я должен спасти тебя!*

Как сказал вчера кузен Юлиан? Лицом к лицу лица не увидеть.

Брат, взгляни в мои глаза!

Он стоял перед зеркалом, а камердинер старательно расправлял голенища сапог. Я исхитрился повернуть голову. Зеркало. Из рамки чудесного стекла на меня смотрело... Это я? О, нет! Складки на лбу от постоянных гримас, перекошенный рот, периодически вываливающийся язык и пустой идиотский взгляд...

Все остальное было как в тумане. На меня надели корсет. Этаким изящный корсет, подобный тем, что носят женщины. Мягкие пластины легли под мою шею и зафиксировали голову. Затем на общее наше тело натянули хитро скроенную сорочку с четырьмя рукавами и двумя воротничками, затем жилет, и камзол. Лоренцо позволял прислуге копошиться вокруг, не делая при этом ни одного лишнего движения. Лишь когда дело дошло до перевязи, он сам принял из рук Джузеппе шпагу и аккуратно вдел в петлю.

Слуги бесшумно вышли. Синьор Лоренцо неторопливо приблизился к невзрачному комоду в глубине спальни и бережно достал что-то, завернутое в ткань.

— Ну-с, малыш, поддержи-ка это у себя, — он улыбнулся, глядя мимо меня, и ловко прицепил мне на “талию” пояс с кинжалом. Тонкий клинок скрылся в складках кафтана. — А теперь — вперед. На королевскую ассамблею.

Сознание мое, как я успел заметить, уподоблялось качелям. Через неопределенные промежутки времени оно вспыхивало так ясно, что я имел возможность вникнуть во все детали роящихся вокруг бесполовых разговоров, затем оно резко проваливалось в темный пустой колодец, после чего пробуждалось вновь, вытаскивая в мой несчастный мозг груды бессвязных воспоминаний. Управлять этими сумасшедшими “качелями” я не мог и, безусловно, пропустил нечто важное. В довершение всех бед я испортил “старшему брату” его витиеватый монолог, адресованный королю. На мои попытки изобразить какое-либо движение присутствующие ответили добродушными шутками, и кто-то, выразил синьору Лоренцо восхищение по поводу его “забавной истории”. Однако, Лоренцо остался удовлетворен и даже посмотрел на меня весьма дружелюбно.

Очередной раз в объятия рассудка меня втокнула горячая липкая капля, плюхнувшаяся на нос. “Старший брат” поспешно стряхнул с моего лица застывший кусочек воска, а я обнаружил, что в зал прокрались сумерки. Королевская прислуга чинно зажигала свечи. Позади *меня* мелькали разряженные дамы и не менее разряженные кавалеры, звучала мягкая музыка, а в памяти моей билась фраза, сказанная только что игривым женским голоском: как жаль, синьор Лоренцо, что вы не танцуете. Наверное, брат сумел отшутиться. Я не сомневался, что из любой ситуации, касающейся *нас*, он выходил достойно. Но черт возьми! Представляю, с какой болью давались ему эти ежедневные шутки!

Синьор Лоренцо покидал зал в числе первых. Как подобает, он раскланялся перед Его Величеством, которого я лицезрел исключительно вверх ногами, и выпрямляясь, *мы* услышали как король, будто невзначай, обронил:

— Мне нравятся ваши сказки, граф. Они порой удивительно правдивы.

— Вы так внимательны, Ваше Величество, — Лоренцо опять поклонился.

— Да-да. Я люблю хорошие сказки. Жду вас завтра после обеда. Надеюсь, у вас найдется еще несколько историй.

Мы выбрались на свежий воздух под черный ночной купол, усеянный звездами. Я шумно вздохнул, и Лоренцо, наконец, удостоил меня взглядом.

— Ну вот, малыш, дело сделано, — проговорил он вполголоса. Он торжествовал. — В политике нельзя шагать через две ступени сразу. Тем более на пути к войне. Они смеялись вчера, а король посмеется сегодня вечером. Жаль, мы с тобой этого не увидим.

Он подмигнул мне и двинулся вверх по улице. Я прикрыл глаза. Если бы в его обращении ко мне была хоть капля *обращения ко мне!* Но я загнал все мои надежды на самое дно проклятого колодца. В конце концов, так лучше для Лоренцо. Как бы он чувствовал себя, осознавая, что таскает на себе разумный кусок человека? Я не мог представить. И, кажется, вновь отключился.

Шаги. Быстрые шаги по мостовой и позвякивание металла. Я слегка повернул голову. Так и есть. Нас догоняют четверо. Бесформенные, скрытые ночной тенью фигуры в длинных плащах. Нетрудно догадаться, что они прячут под своими плащами.

Лоренцо! Обернись!

И он обернулся. Звонко пропела в тишине высвобожденная из ножен шпага. Преследователи притормозили, но не остановились. Двое бросились в атаку сразу, без каких-либо разговоров, а двое, решив, видимо, что товарищи разберутся с “клиентом” без лишней суеты, направились проверять соседний переулок — нет ли случайных прохожих. То была серьезная ошибка. Мой “старший брат” встретил бандита одним точным атакующим ударом и тут же отступил. Мертвое тело рухнуло на землю, слегка задев *мое* левое плечо. Второй убийца ошеломленно шатнулся назад. Лоренцо немедля атаковал его, но этот бандит оказался проворнее.

Скрежет металла заполнил звуковое пространство вокруг меня. Клинки мелькали буквально у меня перед носом, и я невольно стал отклоняться вправо. Напрасно. Движение мне каким-то образом удалось, и Лоренцо от неожиданности потерял равновесие. Всего доли секунды, но их хватило, чтобы убийца дотянулся до своей жертвы. Шпага вспорола камзол на спине моего брата, запуталась в плаще, а Лоренцо, не дав противнику опомниться, распрямился и рубанул его наотмашь сверху вниз. Бандит захрипел, выронил клинок и повалился на своего неудачливого партнера, зажав ладонями окровавленную голову.

— Не дергайся, идиот! — услышал я над ухом внятный голос брата. Вот это уже полностью относилось *ко мне*.

Я не прочь был выяснить, серьезно ли он это сказал, но ситуация складывалась совсем не подходящая для семейных разбирательств. Лоренцо, как я наглядно уяснил, мог легко справиться с противником один на один. Но теперь его атаковали сразу двое. И эти двое прекрасно видели ошибки, сделанные своими предшественниками.

Брат вынужден был отступать. Он пятился, едва успевая отражать удары одной рукой. Не будь на его теле *меня*, он бы давно пустил в ход кинжал. Но его левая рука бездействовала, ибо *я* начисто лишил его возможности маневра. От противников это не ускользнуло, и один начал заходить *мне* в тыл. Достать его шпагой Лоренцо не мог. Отпугнув обманным приемом второго убийцу, он поменял дислокацию и оказался в весьма невыгодном для себя положении. Удар, нацеленный в *мою* голову, он все-таки отбил. Но в этот же момент и он, и *я* почувствовали резкую боль в *его* правом плече. Лоренцо отступил еще на несколько шагов, споткнулся и привалился на стену.

Если он сейчас потеряет сознание, ему конец — пронеслось у меня в голове.

Убийца шагнул вперед. Нет, он не собирается заколоть его сразу, он еще полюбуется на уродливый отросток, породивший столько рассказней. А любопытство частенько не идет в прок. Не знаю, как *я* вспомнил про кинжал. *Моя* правая рука приподнялась, согнулась в локте и медленно сжала рукоять. *Я* целился в безобразное грязное лицо наемника и, видимо, попал. Поскольку бандит издал вопль и отскочил. Удар мой был слишком слаб, чтобы претендовать на смертельный, но убийца был в ужасе, и будет пребывать в ужасе еще несколько секунд.

Лоренцо, очнись!

“Старший брат” выпрямился и застыл, увидав *мою* руку с кинжалом.

Лоренцо, не медли!

Он вскинул шпагу. *Я* понял: поздно. Он стоял прямо перед нападавшим, а это означало, что он не успеет развернуться и отбить удар. *Я* что было сил дернулся вперед. Лопнул корсет, взвыли разом все мышцы на *моей* спине. На мгновение *я* увидел перед собой облитое белизной лицо брата. Удар. Что-то упругое с хрустом врезалось *мне* под левую лопатку.

Это моя боль! Только моя! Ты не почувствуешь ее!

Лоренцо опомнился. Его шпага запоздало вылетела вперед...

Больше в ту ночь *я* уже ничего не слышал.

Я плавно перетек из бессознательного состояния в мое странное осознанное и даже приоткрыл глаза. “Старший брат” лежал на широкой кровати, на левом боку. *Я*, естественно, находился здесь же, и тоже лежал, только на правом боку. В моей спине гуляли горячие вихри, будто кто-то вдвухал огонь в трубу, прорезанную между лопаток.

— Юлиан, *я* видел... *я* видел, как... *он* достал кинжал. И он закрыл *меня*... собой.

Я не сразу узнал голос брата, так он был слаб. Что с ним?

— Дорогой мой кузен, это было в бреду, — кузен Юлиан появился в поле моего зрения. — Вот уже три дня у тебя жар. Рана воспалена. Мой лекарь говорит, что необходимо немедленно принять меры.

— Меры? Какие меры?

Лоренцо напрягся, как стальная пружина. *Я* тоже напрягся бы, если бы не огненная труба в спине.

— Послушай *меня*, кузен. Здесь лекарь. *Я* не сказал тебе при встрече, что привез его с собой. Он опытный врач. Он удалит нарост...

— Нет!

— Лоренцо, ради бога!

— Нет. Это мой брат-близнец...

— Твой “брат-близнец” отнимет у тебя жизнь, если ты не избавишься от него!

Лоренцо молчал. Кажется, потерял сознание.

— Мы не можем сделать это без его согласия, — произнес кто-то рядом. — Синьор Юлиан. Вы должны его уговорить.

— Вы же видите — он бредит! Вы врач! Беритесь за дело, черт возьми. Или смерть моего кузена будет на вашей совести!

Ко мне склонились. *Я* постарался скроить как можно более идиотскую гримасу, однако глаза не закрыл. Человека *я* не рассмотрел, но это был, безусловно, тот самый лекарь, которого привез с собой кузен Юлиан. Он внимательно оглядел *меня*, пощупал что-то на шее, на груди, потом приподнял веко и заглянул в глаз. На сем осмотр закончился, и он заговорил:

— Синьор Юлиан, кабы речь шла об ампутации руки или ноги, *я* выполнил бы ваше требование безоговорочно. Но дело обстоит сложнее. Очевидцы утверждают, что эта часть корпуса синьора Лоренцо совершала самостоятельные действия. *Я* не вижу оснований ставить под сомнение это свидетельство. Хотя и не могу привести доказательства.

Голоса ускользнули от моего слуха и вскоре удалились совсем. На прощание проскрипела дверь.

— Нет... брат, нет!... тебя не убьют...

Я перевел взгляд на Лоренцо. Сейчас он действительно бредил. А пять минут назад?

Я заставил свои мысли выстроиться по ранжиру и тщательно изучил каждую. Первая: *я* удержал кинжал. Вторая: *я* закрыл брата *своей* спиной. Третья: Лоренцо понял, что *я живу*. И последняя: если *я* останусь в его теле, *я* убью его ядом, который источает *моя* загноившаяся рана.

Значит, я обязан убедить брата... отрезать меня.

Два человека. Два меча. Два лица. В лицах слишком много общих черт, чтобы усомниться в родстве...

Сон всплыл передо мной как явь. Сон, который показал мне прошлую жизнь. Господи! Мы прокляты за то, что убили друг друга. Так зачем же, Господи, ты выводишь нас на тот же круг? Мой брат, чье тело уродливо, и душа стонет от боли, неужели он не испил чашу вины до дна? Господи, сжался над ним!

— Я знаю, ты понимаешь меня, — еле слышно заговорил Лоренцо. И его слова предназначались мне. — Брат, посмотри на меня. Я знаю, что в глубине твоих глаз прячется рассудок. Брат!

Я как мог крепко сомкнул веки. Он должен поверить, что там, на ночной улице, ничего особенного не произошло, что он сам выхватил кинжал и ударил бандита, а потом поскользнулся, и отросток тела встал на пути шпаги. Он должен поверить, в противном случае он никогда не согласится избавиться от меня и, следовательно, умрет вместе со мной.

— Брат, ответь мне... Посмотри на меня... Брат!

Он умолял. Требовал и опять умолял. Как долго? Не берусь сказать — я постарался забыть...

Вновь хлопнула дверь. Вбежал кто-то из слуг, вернее всего — Джузеппе.

— Пусть придет мой поверенный, — твердым голосом приказал Лоренцо. — Пригласи моего кузена и врача. Я хочу составить документ.

Сборы всех указанных персон были недолги. Лоренцо потребовал, чтобы врач осмотрел его и подтвердил традиционное — «находясь в здравом уме и твердой памяти». Затем он начал диктовать. Я почувствовал некоторое облегчение. Сейчас он объявит о согласии на операцию и...

— ...заявляю, что ни при каких обстоятельствах не позволяю отделять от моего тела рожденного в одночасье со мной брата-близнеца...

В комнате застыла могильная тишина. Сейчас ему подадут перо и он поставит подпись. И это будет его смертный приговор. Я еще могу вмешаться, могу перехватить его руку... Идиот! Тогда уже *все* поверят, что мою голову посещают мысли.

Лоренцо берет перо... подпись... точка.

Не помню, как наступила ночь. И почему очнулся, тоже не помню. Огненная труба выжгла уже половину того, что было мною, а остальная часть тем временем медленно опускалась в холод. Так подходила Смерть. Я прекрасно знал ее. Интересно, есть ли еще на земле человек, который знает свою Смерть?

— Брат. Ты же слышишь меня...

Слышу...Ты сумасшедший. Зачем ты это сделал?

— Чтобы ты остался в живых.

Я? ... Я пытался сохранить твою жизнь. Это единственное, на что я был способен! Ты все испортил. И теперь я опять убиваю тебя... ядом.

— Нет. Прошлое не возвращается! Ты не умрешь, и я не умру. Слышишь, брат? Мы слишком зависим друг от друга. Тем паче! Мы будем всегда, всюду держаться друг друга... Вернемся в родовое имение, там нас ждут. Помнишь Лючинду? Она смеялась и говорила, что ничего не имеет против мужа с двумя головами. А яблоневые сады... Ты помнишь сады? Каждую весну там бушевало море белых цветов. Помнишь?... Брат... Брат!

Мое сознание уплывало вслед за теплыми воспоминаниями в белое бескрайнее море. Ласковый шелест лепестков, тонкий божественный аромат... Вдруг огненный взгляд прорезал убаюкивающий туман. Отчаянные карие глаза, полные решимости и страха одновременно. То был страх не за свою жизнь. То был страх за *мою* жизнь. Горячая ладонь уперлась мне в грудь там, где запиналось сердце.

— Брат!...

Послесловие от автора

Прототипом героя этого рассказа послужил реальный человек — итальянец синьор Лазар-Джон-Батиста-Коллоредо. Синьор Лазар жил в конце 17 века, служил при дворе короля Людовика XIV в чине мушкетера, причем, по свидетельствам современников, неплохо фехтовал.

В музее восковых фигур в Санкт-Петербурге находится восковая копия синьора Лазара, выполненная мастерами музея с документальной точностью на основании сохранившихся исторических записей. Фотография экспоната помещена в текст рассказа.